

УДК 72(09)+008+316.7
DOI: 10.17223/22220836/27/7

Т.В. Чапля

АРХИТЕКТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО – СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье проводится анализ коммуникативного пространства архитектуры с позиций культурологического и семиотического подходов. Дается краткая характеристика основных направлений взаимодействий внутри и вне архитектурного пространства начиная с древности и до современности. В итоге делается вывод, что архитектурное пространство всегда выступало средством моделирования человеческого поведения, направляя не только перемещения людей внутри жилого пространства, но и вне его.

Ключевые слова: пространство, коммуникация, архитектура, культура, искусство, поведение.

В современной литературе термин «пространство» получил множество трактовок в зависимости от исследуемого предмета. Как правило, физика имеет дело с количественными параметрами и понимает пространство как некую протяженность, характеризуемую в параметрах длины, ширины и высоты. Что касается гуманитарных дисциплин, то они чаще всего оперируют пространством с точки зрения либо места, либо системы отношений, либо символического пространства. Целью статьи является изучение пространства архитектуры как поля коммуникативного пространства, или способа существования общества.

Например, социология может понимать под пространством определенные субстанции, или индивидов, их группы и организации, соединенные определенными отношениями (П. Сорокин). К. Маркса, Э. Дюркгейма и П. Бурдьё объединяет подход к определению социального пространства как некой надындивидуальной реальности, состоящей из структурированных социальных отношений. Согласно П. Бурдьё пространство представляет собой «совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [1. С. 15]. Автор признает существование особого пространства – «пространства отношений», которое он считает реально существующим наряду с географическим пространством. При этом в отличие от географического пространства, которое функционирует как пространство места проживания, социальное пространство функционирует благодаря его символическому наполнению, которое человек переживает и понимает как чувство поля, как чувство того, что можно и чего нельзя себе позволить, заключающее в себе негласное принятие своего поля, чувство границ («это не для нас»)» [1. С. 23]. В итоге П. Бурдьё пишет о том, что социальное пространство функционирует как пространство стилей жизни. Сам факт функционирования социального пространства социолог сравнивает с пространством архитектуры, которое отли-

чается бессловесным управлением человеком и формами его организации: «...архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу, владеют им совершенно так же, как этикет дворцовых обществ, как реверансы и уважение, которое рождается из отдаленности... точнее, их взаимного отдаления на почтительную дистанцию...» [1. С. 52].

Подобный подход к определению социального пространства можно увидеть и в трудах Г. Зиммеля, который понимал под ним определенную социальную дистанцию, в которой происходят взаимодействия людей и их социальных групп [2].

Таким образом, под социальным пространством можно понимать силовую поле, создаваемое взаимодействующими индивидами, их практиками, но имеющее при этом свое особое системное качество, которого нет в самих индивидах. В отдельно взятой личности социальное пространство присутствует только в виде отдельных элементов, усвоенных в процессе социализации, это роли и ценности.

В рамках географии исследование понятия «пространство» идет в русле разработки концепции географических образов (Д.Н. Замятин). По мнению Д. Замятина, «культура, для того, чтобы осмыслить собственное пространство, а также пространства других культур, должна выработать механизмы образной интериоризации пространства» [3. С. 8]. Для него любое пространство характеризуется пограничностью, т.е. всегда находится между различными пространствами, временами и представлениями. Замятин предлагает различать пространства по характеру динамики самих пространств (динамичные / статичные) и по механизму развития пространств (внешнее / внутреннее). Само понятие пространства Д. Замятин связывает с понятием географического образа, под которым он понимает «...устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)». Именно идентификация человека с местом своего проживания (территорией) позволяет культуре осваивать окружающий мир не только в физическом плане, но и в экзистенциальном. Одним из средств такой адаптации или идентификации Д. Замятин считает географический образ. В этом же ключе работают историки, занимающиеся интеллектуальной историей. В частности, О.Н. Сидорчук, пишет о том, что «проблемное поле... ментальных карт русских интеллектуалов» [4. С. 135] может представляться через исследование бинарных оппозиций: «столица – провинция», «центр – окраина», «Европа – Азия» и т.п.

В рамках культурологии понятие «пространство» обсуждается в контексте культурного пространства и социокультурного пространства. Сам термин «культурное пространство» сегодня можно встретить в разных интерпретациях, под ним понимают либо многообразие моделей и идеалов человеческой деятельности, либо способ существования человека в культуре, либо форму бытия культуры, либо регулятор взаимодействия «пространств культуры».

Согласно С.П. Харченко основу для формирования понятия «социокультурное пространство» создают «человек со своими индивидуальными личностными характеристиками; общество с его способами и формами органи-

зации жизнедеятельности; фундаментальные материальные условия, которые определяют формы самоорганизации и поведения человека в конкретную историческую эпоху» [5. С. 18].

Несмотря на такое многообразие подходов, сам С.П. Харченко считает, что «культурное пространство – это пространство осуществления образа жизни общества, охватывающее совокупность интеллектуальных элементов, имеющихся у данного человека или у группы людей, связанное с тем, что можно назвать «памятью мира», это та сфера, в которой... функционирует культурная информация» [5. С. 19].

Ценностный подход к определению культурного пространства представляет С.Н. Иконникова, которая характеризует его как социокультурную сферу общества, объединенную единой системой ценностей [6].

А.Н. Быстрова пишет о том, что культура приходит к человеку из прошлого, поэтому ее можно рассматривать как некую «стартовую площадку» для будущего. Но в настоящем «культура окружает нас как пространственная форма. Даже постоянно происходящие в ней изменения совершаются в том пространстве, в котором продолжает свое существование культура. То есть культурное пространство – это пространство осуществления образа жизни общества. И в системе этого пространства обязательным ее элементом является тот поток информации, который составляет некое цементирующее начало для общества в целом» [7. С. 35, 108]. Продолжая эту мысль, Е.Е. Тихомирова отмечает, что человек в своей жизнедеятельности последовательно создает «концепции освоения культурного пространства, где движение всегда отмечено строительством человеческого духа, его языка, храма» [8. С. 143].

Культурное пространство согласно М.Я. Сарафу [9] обладает сложной структурой, возникающей в результате исторического развития этносов и нации. В своей работе «Измерение культурного пространства» М.Я. Сараф связывает определение культурного пространства с антропологическим пространством, выступающим способом существования человека в культуре. Он подчеркивает, что «первичное, антропологическое осознание пространства экзистенциально, воспринимается как пережитое и обжитое – это чувство места-дома, пространства-убежища, пространства взаимного понимания и необходимо включенного в него «со-чувствия», пространства комфортного бытия» [10. С. 60].

При этом М.Я. Сараф указывает на то, что в философско-антропологическом подходе понимание культурного пространства может быть двояким: либо как пространство свободы, либо как пространство несвободы. В первом случае признается активная роль человека по освоению окружающего мира, самого устанавливающего границы познания для себя, во втором – это уже существующие границы, которые необходимо преодолеть при движении к себе самому. К характеристике современного пространства можно отнести, по мнению О. Лойко, пространство социальной памяти, «которая демонстрирует связи с различными направлениями культуры. Это имеет существенное значение в искусстве, например в реставрации художественного пространства картин» [11. С. 2].

В рамках семиотики М. де Серто предлагает рассматривать пространство в связи со временем, скоростью и направленностью. «Пространство – это то, что производится в результате операций, которые направляют его, придают ему темпоральность и заставляют функционировать в поливалентном единстве конфликтующих друг с другом программ или установленных контрактом близостей» [12. С. 219]. Главное, о чем он говорит, что пространство носит динамический характер и формируется и функционирует в зависимости от перемещений субъекта. А противостоит пространству другая категория – «место», которая характеризуется статичностью. В связи с этим Серто предлагает соотносить «место» с объектом, как «здесь-бытием» чего-то мертвого, а категорию пространства – с деятельностью субъекта, которая всегда соотнесена с историей. При этом любая деятельность человека независимо от места приложения всегда связана с понятием «граница»: «Идет ли речь о различиях, отделяющих субъекта от внешнего пространства, или о различиях, локализирующих объекты, идет ли речь о жилище (кое конституируется стенами) или о путешествии (кое конституируется на основании географического «другого места» или космологического «по ту сторону»), идет ли речь о функционировании городской сети или сельского ландшафта, нет такой пространственности, которая не была организована на определенных границ» [12. С. 226–227].

М. Серто объясняет, что пространства не может быть без истории, т.е. пока человек действует, живет, меняет вокруг себя среду, пространство существует, как только созданные человеком объекты изымаются из окружающей их естественной среды и помещаются в музей, пространство исчезает.

К пониманию пространства как динамичной среды близок М. Мерло-Понти. Для него «пространство – это не среда (реальная или логическая), в которой расположены вещи, а средство, благодаря которому поле этих вещей становится возможным... нам следует мыслить его как универсальную возможность их взаимодействий» [13. С. 312–313]. Далее он рассуждает о том, что пространство должно соотноситься с субъектом, который становится началом, творящим пространство, и, следовательно, только он может его изучать и описывать. В противном случае пространство можно рассматривать как некую среду для вещей, в этом случае пространство выступает в координатах верха – низа, лева – права, близко – далеко как многообразие. При этом, пишет М. Мерло-Понти, мы имеем дело с физическим пространством, если же пространство соотносится с субъектом, тогда, мы имеем дело с геометрическим пространством, «измерения которого взаимозаменяемы, передо мной гомогенная и изотропная пространственность, я могу по меньшей мере помыслить чистое изменение места...» [13. С. 313].

Активность субъекта в отношении определения пространства связана с ориентацией его в пространстве, которая и позволяет определить, что такое есть объект в его отношении к другим вещам.

О невозможности осмысления пространства без определения его через понятие границы говорит и Ю.М. Лотман. Именно граница позволяет определить степень взаимодействия внутреннего и внешнего, своего и чужого. Осознание границы – это двунаправленный процесс: с одной стороны, она

соединяет внешнее и внутреннее, выступая в роли перехода из одного в другое, с другой стороны, она их разделяет, давая понять, где заканчивается одно и начинается другое. Лотман анализирует семиотическое пространство, которое, по его мнению, «...является одним из механизмов выработки новой информации внутри сферы» [14. С. 16].

Ю.М. Лотман предполагает, что начиная с древности человек постоянно осуществлял наблюдение за окружающим пространством, этому способствовала устная форма передачи информации, которая стала основой формирования культуры, ориентированной в будущее. А культура, связанная с прогнозированием, в свою очередь, пробуждает к жизни высокую познавательную активность человека, который начинает наблюдать за природой. В дальнейшем это ведет к дифференциации окружающего пространства по принципу «свое» и «чужое», созданию разного рода классификаций по религиозному, возрастному, родственному и другим признакам. И как следствие, «без первичного членения пространства на сферы, требующие различного поведения, изобразительные искусства были бы невозможны» [14. С. 142].

В.В. Видеркер подробно исследует модели самоописания семиотических пространств, т.е. их метатексты, которые препятствуют распаду пространства в результате все возрастающей дифференциации его элементов. «Метатекст, унифицирующий семиотическое пространство, ориентирован на поддержание ментального единства культуры, ибо излишняя семиотическая гетерогенность грозит центробежными тенденциями и потерей культурной идентичности» [15. С. 81].

П.А. Флоренский предлагает рассматривать всю культуру как деятельность по организации пространства. Но при этом он различает в нем три подуровня. «В одном случае это пространство наших жизненных отношений, и тогда соответственно деятельность называется техникой. В других случаях это пространство есть пространство мыслимое, мысленная модель действительности, а действительность его организации называется наукою или философией. Наконец, третий разряд случаев лежит между первыми двумя. Пространство или пространства его наглядны, как пространства техники, и не допускают жизненного вмешательства – как пространства науки и философии. Организация таких пространств называется искусством» [16. С. 55].

Согласно В.Л. Каганскому концепция пространства формируется в зависимости от способа конструирования мира в сознании человека. Оно складывается всегда в определенных исторических условиях, и поэтому его очертания имеют разные контуры. В.Л. Каганский считает, что «всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самоорганизующейся) группы людей – культурный ландшафт, если это пространство одновременно цельно и дифференцированно, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [17. С. 24]. Таким образом, В.Л. Каганский связывает категорию пространства с созданием некоего осмысленного места, которое формируется в результате и параллельно с развитием культуры и человека, где происходит соединение практического (утилитарного) и смыслового (символического). Такого рода места появляются благодаря тому, что именно эта среда становится источником возникновения разного вида взаимодействий, которые формируют отношения с соседями по

поводу ресурсов. Но при этом внутри одного места дифференцируются, как правило, не только и не столько отдельные места, сколько именно направления взаимодействий (коммуникаций): «...горизонтальное и вертикальное, широтное и долготное, вдоль и поперек хребта, «центр – периферия» и многое другое...» [17. С. 29].

Важно также заметить, что эффективность коммуникации связана с тем, насколько человек способен переживать и выстраивать весь спектр масштабов, переходить от одного масштаба к другому. В ряде случаев при переходе от одного такого измерения (масштаба) к другому привычное, освоенное человеком пространство может превратиться в чужое, а чуждое, пугающее пространство, наоборот, стать своим, понятным, пережитым, как это было показано в работе А.В. Харламова [18. С. 58]. Причем понимание такого рода масштабов меняется в зависимости от эпохи к эпохе, о чем и будем говорить в дальнейшем.

Дифференциация пространства связана с тем, что «...реальные жизненные циклы людей разорваны в пространстве, их фрагменты разбросаны по многим разным местам, меж собою никак не связанным. В одном месте человек спит, в другом добывает средства существования и социальный статус, в третьем – проводит свободное время и т.д. ... Человек нигде не укоренен, он живет в ландшафте, по разным местам пространства разбросаны его социальные роли и фрагменты поведения – выживания. Все области «личного пространства» – тоже ячейки-для-задачи, жить в большинстве их в точном смысле слова нельзя. Ландшафт переполнен ролями и следами жизни» [17. С. 143].

Исходя из того, что вне зависимости от определения пространства в рамках любой из перечисленных выше концепций предполагается наличие в них человека, в данной статье мы будем говорить о коммуникативном пространстве. Без взаимодействия человека со своим окружением нет и не может быть ничего: не возникнет ни совместное место проживания (как физическое, так и образное), ни мир знаков и символов, имеющих определенное значение для данного человека, группы или общества, ни тем более ценностного мира.

В итоге под коммуникативным пространством мы будем понимать всю систему отношений и видов взаимодействий, возникающих в культуре в зависимости от места и времени ее существования. Характер, формы и место возникающих взаимодействий меняются на протяжении всей истории человечества, и именно они задают основы для формирования среды проживания общества как в физическом, так и в духовном плане, и одной из форм выражения этого процесса является искусство.

Согласно Ю.М. Лотману «погруженный в культурное пространство человек неизбежно создает вокруг себя организованную пространственную сферу. Сфера эта, с одной стороны, включает в себя идейные представления, семиотические модели, а с другой – воссоздающую деятельность человека, так как мир, искусственно создаваемый людьми, – агрокультурный, архитектурный и технический – коррелирует с их семиотическими моделями. Связь здесь взаимная: с одной стороны, архитектурные сооружения копируют пространственный образ универсума, а с другой – этот образ универсума строится по аналогии с созданным человеком миром культурных сооружений» [19. С. 296].

Архитектура, как никакой другой вид искусства, наиболее тесно связана с жизнью человека. Именно она дает человеку возможность организовывать свою жизнь в соответствии с собственными правилами путем организации вокруг себя жилого и нежилого пространства. В рамках теории коммуникации архитектура не предполагает связи с реальными объектами, она сама выступает в роли этого реального объекта и выполняет роль знака, которым оперирует проживающий в ней субъект.

Само архитектурное сооружение, его коммуникативная функция реализуются через совокупность действий, которые в нем предполагаются, и именно эти действия задают смысловое поле архитектурного пространства, позволяя человеку, группе, обществу реализовывать и формировать определенные правила существования и взаимодействия.

Архитектура, как одно из самых древних искусств, всегда была и остается формой массовой коммуникации, начиная с первых природных укрытий и до современных зданий. Тот факт, что выделение внутри сооружений комнат для личного проживания произошло довольно поздно, в Новое время, говорит о том, что архитектура всегда была одной из форм организации группового и массового общения. У. Эко [20] считает, что у архитектуры и массовой коммуникации есть общие черты:

1) архитектурное пространство является побудительным аспектом, как и коммуникативный дискурс, потому что когда человек соглашается проживать или находиться в определенном помещении, это означает, что он согласен организовать свое пространство так, как это ему предлагается самим пространством или архитектором;

2) архитектурное пространство является способом психологического воздействия, так как, попадая в здание, мы вынуждены подчиняться его функциям, его пространству (чем просторнее помещение, тем тише наши шаги и наши действия);

3) проживание или освоение архитектурного пространства не требует от нас напряженного или углубленного и сосредоченного действия, мы «потребляем» его так же, как продукты массового производства или массовой культуры;

4) само архитектурное пространство благодаря человеку может получать совершенно другое значение, чем то, которое предполагалось изначально, при этом человек, совершающий «подмену», может об этом и не догадываться;

5) архитектурное пространство, как сообщение, сочетает в себе минимум принуждения и максимум безответственности, т.е. оно, с одной стороны, говорит нам, что мы должны жить так, как оно предполагает, с другой – оно позволяет нам использовать его так, как нам хочется;

6) архитектура, так же как любое коммуникативное сообщение, подвержена старению, но в силу того, что она существует длительное время, охватывающее не одно поколение, она может менять свои значения;

7) архитектура, в силу того, что она живет в сфере товаров и услуг, также подчиняется законам рынка.

Так как самые первые архитектурные сооружения были связаны с попытками человека построить отношения между разными мирами: верхним,

средним и нижним, ее символическое значение родилось именно в момент осознания здания как формы или способа взаимосвязи человека со всем миром и другими людьми. Можно сказать, что с искусства архитектуры начинается то, что мы называем пространством. А формы и способы его оформления являются первыми формами знаковости, т.е. архитектура является одним из первых средств воплощения рожденного человеком символического смысла мира и самого себя. «С одной стороны... только архитектура сталкивается с ситуацией изначального отсутствия пространства знаковости, семиосферы. В отличие от живописи, где это пространство задано плоскостью, или тем более словесных искусств, архитектура расположена в физической реальности. Тем самым только она сталкивается с необходимостью эту знаковую сферу создавать, с необходимостью подыскивать ей пространственный аналог» [21. С. 63].

Организация архитектурного пространства предполагает установление связи человека с внешним миром и связей внутри человеческого сообщества. С древнейших времен, пока взгляд человека был устремлен в природу, во вне, первые шаги по организации пространства были связаны с разработкой внешних форм сооружений, которые обеспечивали связь человека с внешним миром. Как известно, первые постройки были посвящены богам, и в них мало внимания уделялось организации внутреннего пространства. Тот факт, что место внутри храма, где располагалась статуя божества (Древний Египет, Древняя Греция), было очень тесным и маленьким, говорит о том, что никакого внимания не уделялось разработке внутреннего помещения. Все отношения человека с богом осуществлялись посредством ритуала, проводимого вне стен храма и в присутствии общества, т.е. посредством массовой коммуникации. Система организации внутреннего пространства жилого дома строилась вокруг мегарона, большого зала, в котором протекала жизнь всех домочадцев, что тоже свидетельствует об отсутствии понятия личного пространства.

В дальнейшем по мере развития общества, его дифференциации, дифференциации его сфер деятельности усложняются способы и формы организации пространства. Так, например, становится понятным, что складывающиеся стили в архитектуре соответствуют определенным потребностям общества. Классический ордер, как правило, используется для строительства общественных зданий, связанных с банковской или судебной системами. Вполне очевидно, что их цель – внушать своим гражданам чувство уравновешенности, мужественности, рациональности, защищенности. Поэтому в периоды укрепления государственной власти можно наблюдать обращение к греческим, римским, классическим формам. «Строительство крупных зданий и впечатления от вызывающей благоговение архитектуры тесно связаны с такими элементами человеческой природы, как стремление поддерживать в обществе социальный порядок и определенные отношения между властями и подчиненными» [22. С. 196].

Обеспечение духовной сферы жизни общества связано со строительством церквей и использованием готического или барочного стилей, которые должны демонстрировать грандиозность и недостижимость божества и формировать у человека чувство малозначительности себя и поиска опоры свы-

ше. Кроме грандиозных размеров, внутреннее помещение также было подчинено формированию этого чувства, даже освящение было организовано так, что самым освещенным было пространство вверх, на уровне алтаря. В итоге прихожанин, входя внутрь, невольно поднимал голову вверх, к свету, таким образом формировались и закреплялись иерархия и символизм в средневековом обществе. Формы архитектуры отвечали требованиям массовой и групповой коммуникации. Доказательством тому служит то, что вся общественная жизнь и жилые дома группировались вокруг таких центров, как храм, ратуша. Люди селились не по родовому признаку, а по профессиональному, благодаря чему формируются целые улицы ремесленников. Преобладанию группового общения над индивидуальным способствовало и то, что вплоть до XVI в., жилой дом включал в себя мастерские, торговые лавки, хозяйственные помещения, которые располагались на первых этажах и были рассчитаны на организацию взаимодействия с большим количеством людей помимо семьи и прислуги.

Что касается верхних, жилых помещений, то несмотря на то, что они были отделены от нижних, тем не менее отсутствие в них стен и выделения отдельных комнат позволяет сделать вывод, что внутреннее помещение или пространство дома также не предполагало уединения. То есть эпоха Средних веков не придавала большого значения личности и ее пространству существования, господствующим было групповое пространство, которое включало не только близких родственников, но и всех домочадцев.

Непроработанность внутреннего пространства на уровне дома имела такое же положение и на уровне города. В отличие от регулярного плана римских городов, средневековый город можно сравнить с первыми греческими городами, отличавшимися хаотичной застройкой. Улицы становятся узкими, очень часто они прерываются тупиками, что еще раз подтверждает отсутствие внимания к проработке внутреннего пространства и обращенности человека к Богу, а не к отношениям с себе подобными.

Начиная с А. Палладио, в архитектуре появилось анфиладное расположение комнат, которое делало доступным всеобщему обозрению жизнь хозяев этих комнат. Все это стало свидетельством увеличения количества передвижений человека во внутреннем пространстве и доказательством того, что жизнь стала более насыщенной. Сам проход через большое количество комнат предполагал возможность, с одной стороны, хозяевам дома продемонстрировать свое богатство и достаток, а с другой – гостям не только наблюдать за жизнью домочадцев, но и приходилось осуществлять свои передвижения, соответственно, параллельным плоскостям, что должно было дисциплинировать и постепенно подчинять себе поведение гостя. Подтверждением господства внешней ориентации внутреннего пространства дома является перемещение апартаментов на первый этаж, а хозяйственных помещений – в другое здание, в крылья, которые не должны были пересекаться с жилыми комнатами.

Начиная с эпохи нового времени, особенно к концу XVIII в., в архитектуре обращается пристальное внимание на разработку и организацию внутреннего пространства дома. От экстравертности, ориентированности внутреннего пространства вовне (т.е. буквально его отсутствие), наконец-то

приходят к осознанию необходимости организации внутреннего пространства с позиций комфортного проживания. Именно в этот период формируется осознание зависимости между домом, городом и ландшафтом или между жилищем, работой и свободным временем. В это же время впервые пришло осознание необходимости в разделении жилого пространства и рабочего места. Это способствовало развитию интерьерного пространства и стимулировало осознание его как чего-то сугубо личного и, как следствие, привело к рождению и утверждению индивидуализма во внутреннем пространстве. Рабочее место – пространство публичных отношений, организация которого в меньшей степени отвечает личным требованиям и связана с осуществлением определенной профессиональной функции.

Как утверждает К. Эллард, во все времена основным средством воздействия на человека и его пространственные представления всегда были стены – «деревянные, каменные, кирпичные или бетонные. Стены ограничивают передвижение и закрывают обзор; они обеспечивают приватность и защиту... Стены укрепляют, а возможно, и порождают социальные и культурные нормы. С появлением в домах изолированных социальных мест изменилось наше отношение к сексуальной жизни» [22. С. 25].

Таким образом, мы можем видеть, как организация архитектурного пространства путем вычленения в нем отдельных зон для разных форм взаимоотношений как на уровне массовом – гостиная, кухня, так и на уровне интимного – спальня начинает не только регулировать формы взаимоотношений, но и формировать в человеке понятие индивидуального пространства и выделять внутри дома комнаты для индивидуального проживания. Постепенно возникновение в эпоху Возрождения индивидуального семейного дома привело к формированию чувства привязанности к дому, к своему жилищу.

В архитектуре XIX–XX вв. линейная перспектива доводится до своего логического завершения на уровне градостроительства, когда, по мнению Г. Зигфрида [23], возникает тип «улицы-коридора». Такой тип организации пространства был обусловлен социальными и политическими причинами: власть очень боялась восстаний, а улица, организованная по законам линейной перспективы, очень хорошо просматривалась и позволяла контролировать порядок.

Возникновение новых материалов (чугун, стекло, железобетон) создало возможности для реализации новых тенденций в организации внутреннего и внешнего жилого пространства. Развитие психоанализа также стало результатом возникновения интереса к человеку, к его внутреннему миру, что в архитектуре было связано с разработкой индивидуального пространства. Возникла архитектура «свободного пространства», которая предполагала возможную перепланировку внутреннего пространства в зависимости от запросов каждой семьи.

Возникновение массового, конвейерного производства привело к появлению огромного количества штампованных товаров, что не могло не отразиться на развитии архитектуры и организации внутреннего пространства. Большой рост городского населения, новые материалы породили потребность и создали возможность для строительства большого количества дос-

тупного многоэтажного жилья, квартиры которого были одинаковы для всех. Наступившая эра информационной насыщенности пространственного и временного окружения современного человека требует большой мобильности в организации жизненного пространства человечества. Это приводит к разработке проектов организации пространства, отвечающего требованиям быстрого перемещения человека как в рамках городской среды, так и в рамках жилого пространства. Рост интенсивности и насыщенности социальной жизни порождает противоречивую ситуацию, с которой сталкивается современное архитектурное пространство. Так, по мнению А.Э. Гутнова и И.Г. Лежавы, «всевозрастающая информационная насыщенность и интенсивность жизнедеятельности, протекающей в интегрированной, сложно организованной пространственной среде, делает ощутимой потребность в периодическом «выключении» человека из перенапряженного ритма жизненной активности. Такое «выключение» предполагает, с одной стороны, эффективную изоляцию человека в структуре жилища, и с другой – обеспечение необходимости разнообразия свободного общения с другими людьми» [24. С. 10–11].

Все последующее развитие архитектурного пространства связано с желанием соединить несоединимое. С одной стороны, поиск возможностей быстрого строительства зданий и обеспечение большого количества городских жителей доступным жильем, с другой – возможность для каждого жителя получить дом или квартиру своей мечты. Для любого человека его дом ассоциируется с ситуацией защищенности и спокойствия. Как писал Ле Корбюзье, «чтобы обезопасить себя, человек создает в окружении природных стихий особую среду, некую защитную зону, соответствующую его сущности и его мышлению; человеку нужны ориентиры, защищенные пространства, внутри которых он мог бы чувствовать себя в безопасности...» [25. С. 31].

Таким образом, можно заметить, что на протяжении всей истории человечество постоянно создавало вокруг себя искусственную среду, которая стала символом выражения его образа жизни, его форм общения и способа миропонимания. Именное пространство архитектуры стало одним из ранних способов организации человеческого поведения, соответствовавшим тем способам коммуникации, которые преобладали в том или ином обществе в разные периоды его истории. Мы можем видеть, как человечество прошло путь от разрозненного, разорванного пространства до моноорганизованного в эпоху Нового времени и полиструктурированному в современной культуре; от доминирования в городе нескольких центров до создания единого, целостного пространства, определяемого всеми входящими в него сооружениями.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя. 2007. 288 с.
2. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М. : Юристъ, 1996. Т. 2. 607 с.
3. Замятин Д.В. Культура и пространство : Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
4. Сидорчук О.Н. «Наши окраины» : модель описания пограничных районов Российской империи в еженедельных журналах второй половины XIX – начала XX века // Восток – Запад : проблемы взаимодействия. Исторический, политический, социальный и религиозный аспекты:

материалы Всерос. науч.-практ. конф., Новосибирск, 27–28 мая 2013 г. : в 2 ч. Новосибирск, 2013. С. 135–149.

5. Харченко С.П. Трансформация современного социокультурного пространства в контексте социально-философских исследований // МНЦ «Сфера общественных наук». 2015. № 7 (13). С. 18–23.

6. Иконникова С.Н. Культурное пространство и возрождение России [Электронный ресурс] : доклад прочитан на Международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России». СПбГУП, 23–24 мая 1996 г. URL: <http://www.libachev.ru/chten/1996izbrannoe/5474/ikonnikova/?bpage=1> (дата обращения: 25.12.2016).

7. Быстрова А.Н. Культурное пространство : сущность и структура. Новосибирск : ЗАО ИПП «ОФСЕТ», 2014. 316 с.

8. Тихомирова Е.Е. Освоение культурного пространства Сибири в творчестве Г.Д. Гребенщикова // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2, № 1 (23). С. 143–150.

9. Сараф М.Я. Ризомизация культурного пространства как показатель кризисности его состояния // Пространство и Время. 2014. № 1 (15). С. 74–77 [Электронный ресурс]. URL: <http://space-time.ru/arxiv/zhurnal-prostranstvo-i-vremya-1-15-2014.html> (дата обращения: 28.12.2016).

10. Сараф М.Я. Измерение культурного пространства // Пространство и Время. 2013. № 1. С. 58–68. [Электронный ресурс]. URL: <http://space-time.ru/arxiv/zhurnal-prostranstvo-i-vremya-1-11-2013.html> (дата обращения: 28.12.2016).

11. Loyko Olga The transformation of the cultural memory through a prism of the Cyberspace [Electronic resource] // SHS Web of Conferences. Les Ulis : EDP Sciences. 2016. Vol. 28 : Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). [01148, 5 p.]. Title screen. Свободный доступ в сети Интернет. URL: <http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/2016281148> <http://earchive.tru.ru/handle/11683/33050> (дата обращения: 28.12.2016).

12. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

13. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента : Наука, 1999. 608 с.

14. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. 478 с.

15. Видеркер В.В. Метатекст в культуре русского символизма // Идеи и идеалы. 2013. № 2 (16), т. 2. С. 80–85.

16. Флоренский П.А. Анализ пространственности и время в художественно-изобразительных произведениях. М. : Изд. группа «Прогресс», 1993. 324 с.

17. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.

18. Харламов А.В. Социальное отчуждение в информационном взаимодействии (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2007. 161 с.

19. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. 432 с.

21. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. М. : ОГИ, 2002. 132 с.

22. Элларт К. Среда обитания : Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. М. : Альпина Паблишер, 2017. 288 с.

23. Зигфрид Г. Пространство, время, архитектура. М. : Стройиздат, 1984. 455 с.

24. Гутнов А.Э. Будущее города / А.Э. Гутнов, И.Г. Лежава. М. : Стройиздат, 1977. 126 с.

25. Ле Корбюзье. Архитектура XX века. М. : Прогресс, 1977. 306 с.

Chaplya Tatyana V. Novosibirsk State Teacher Training University (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: Chap_70@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2017. № 27. 64–77 pp.
DOI: 10.17223/22220836/27/7

ARCHITECTURAL SPACE – A FORM OF CULTURAL AND COMMUNICATIVE SPACE

Key words: space, communication, architecture, arts and culture.

The aim of the article is to study the architectural space as a field of communicative space or a means of society existence. The space is a subject of study of multiple sciences. Sociology understands space as a defined substance or individuals, groups of individuals or organizations, connected by certain relations, or a force field generated by the interacting individuals and their actions, but which at the same time has a special system quality those individuals lack. The social space could be found in an individual only in a form of particular elements acquired during socialization period – that is social roles and values. Geography explores the concept of “space” as a part of the geographical images concept. Cultural Studies discusses the concept of space in the context of the concepts of “cultural space” or “socio-cultural space”. Nowadays the cultural space is being understood as a variety or models and ideals of human activity or the manner of man’s existence in the culture, or the life form of culture itself, or the controller of the “cultural spaces” interaction. The semiotic concept explains that space cannot exist without a history. That means that while the men acts, lives, changes environment around them, the space exists, but as soon as man-made objects are removed from their natural surrounding environment, the space disappears.

The author understands the cultural communicative space as the system of relations and types of interactions that occur in any culture, depending on the place and time of its existence. The nature, form and place of emerging interactions is changing throughout the history of mankind. These changes are what set the basis for the society living environment formation, both physically and spiritually. The art in general and architecture in particular – is a form of this process’ expression. Architecture, like no other art form, is most closely connected with human life. It gives people an opportunity to organize their life in accordance with their own rules by creating around them residential and non-residential space.

Within the context of the theory of communication architecture does not imply a connection with real objects, it plays a role of the real object itself and serves as a sign, which is being operated by an individual. The author comes to a conclusion that the architectural structure and its communicative function are realized through a set of actions which are assumed in it, and that these actions define the semantic field of architectural space, allowing a person, group or society to configure and implement certain rules of existence and interaction.

References

1. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Environment]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya.
2. Simmel, G. (1996) *Izbrannoe. Sozertsanie zhizni* [Selected Works. Contemplation of Life]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Yurist".
3. Zamyatin, D.V. (2006) *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling of Geographical Images]. Moscow: Znak.
4. Sidorchuk, O.N. (2013) ["Our suburbs": a model of the description of the border regions of the Russian Empire in weekly magazines of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vostok – Zapad: problemy vzaimodeystviya. Istoricheskiy, politicheskiy, sotsial'nyy i religioznyy aspekty* [East-West: Problems of Interaction. Historical, Political, Social and Religious Aspects]. Proc. of the All-Russian Conference. Novosibirsk. May 27–28, 2013. Novosibirsk. pp. 135–149. (In Russian).
5. Kharchenko, S.P. (2015) Transformatsiya sovremennogo sotsiokul'turnogo prostranstva v kontekste sotsial'no-filosofskikh issledovaniy [Transformation of the modern sociocultural space in the context of socio-philosophical research]. *MNTs "Sfera obshchestvennykh nauk"*. 7(13). pp. 18–23.
6. Ikonnikova, S.N. (1996) [Cultural space and the revival of Russia]. *Gumanitarnaya kul'tura kak faktor preobrazovaniya Rossii* [Humanitarian Culture as a Factor of Russia's Transformation]. Proc. of the Conference. St. Petersburg. May 23–24, 1996. [Online] Available from: <http://www.lihachev.ru/chten/1996izbrannoe/5474/ikonnikova/?bpage=1>. (Accessed: 25th December 2016). (In Russian).
7. Bystrova, A.N. (2014) *Kul'turnoe prostranstvo : sushchnost' i struktura* [Cultural Space: Essence and Structure]. Novosibirsk: ZAO IPP OFSET.
8. Tikhomirova, E.E. (2015) The development of the cultural space of Siberia in the works of G.D. Grebenshikov. *Idey i ideally – Ideas and Ideals*. 23 (7-2). pp. 143–150. (In Russian).
9. Saraf, M.Ya. (2014) Rizomizatsiya kul'turnogo prostranstva kak pokazatel' krizisnosti ego sostoyaniya [Rizomization of cultural space as an indicator of its crisis]. *Prostranstvo i Vremya – Space and Time*. 1(15). pp. 74–77. [Online] Available from: <http://space-time.ru/arxiv/zhurnal-prostranstvo-i-vremya-1-15-2014.html>. (Accessed: 28th December 2016).

10. Saraf, M.Ya. (2013) Izmerenie kul'turnogo prostranstva [Measuring the cultural space]. *Prostranstvo i Vremya*. 1. pp. 58–68. [Online] Available from: <http://space-time.ru/arxiv/zhurnal-prostranstvo-i-vremya-1-11-2013.html> (Accessed: 28th December 2016).
11. Loyko, O., Tolkacheva, V., Aleksandrova, M., Dryga, S., Kostykova, T. & Sizov, V. (2016) The transformation of the cultural memory through a prism of the Cyberspace. *SHS Web of Conferences*. 28. [Online] Available from: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2016/06/shsconf_rptss2016_01148/shsconf_rptss2016_01148.html. (Accessed: 28th December 2016). DOI: 10.1051/shsconf/20162801148
12. Certeau, M. (2013) *Izobretenie povsednevnosti. Iskusstvo delat'* [The Invention of Everyday Life. The Art of Doing]. Translated from French by D. Kalugin, N. Movnina. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
13. Merlo-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French. St. Petersburg: Yuventa; Nauka.
14. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: In 3 vols]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra.
15. Viderker, V.V. (2013) Metatekst v kul'ture russkogo simbolizma [Metatext in the culture of Russian Symbolism]. *Idei i ideally – Ideas and Ideals*. 2(16). pp. 80–85.
16. Florenskiy, P.A. (1993) *Analiz prostranstvennosti i vremya v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniya* [Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Visual Works]. Moscow: Progress.
17. Kaganskiy, V.L. (2001) *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
18. Kharlamov, A.V. (2007) *Sotsial'noe otchuzhdenie v informatsionnom vzaimodeystvii (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Social Alienation in Information Interaction (Social and Philosophical Analysis)]. Philosophy Cand. Diss. Kemerovo.
19. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
20. Eco, U. (1998) *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction To Semiology]. Translated from Spanish by A.G. Pogonyaylo, V.G. Reznik. St. Petersburg: Petropolis.
21. Revzin, G. (2002) *Ocherki po filosofii arkhitekturnoy formy* [Essays on the Philosophy of Architectural Form]. Moscow: OGI.
22. Ellard, C. (2017) *Sreda obitaniya: Kak arkhitektura vliyaet na nashe povedenie i samochuvstvie* [Habitat: How architecture Affects Our Behavior and Well-being]. Translated from English by A. Vasilieva, E. Koryukina. Moscow: Al'pina Pablisher.
23. Siegfried, G. (1984) *Prostranstvo, vremya, arkhitektura* [The Future of the City]. Translated from German by M.V. Leonene, I.L. Chernya. Moscow: Stroyizdat.
24. Gutnov, A.E. & Lezhava, I.G. (1977) *Budushchee goroda* [The Future of The City]. Moscow: Stroyizdat.
25. Le Corbusier. (1977) *Arkhitektura XX veka* [Architecture of the 20th century]. Translated from French by V.N. Zaytsev, V.V. Fryazinov. Moscow: Progress.